

Оригинальная статья / Original article

УДК 101.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-258-270>

Трансформации субъектности в постнеклассической науке

Н. Р. Сабанина¹ ✉

¹ Институт философии Российской академии наук
ул. Гончарная, д. 12/1, г. Москва 109240, Российская Федерация

✉ e-mail: myzeinatali@mail.ru

Резюме

Актуальность. По мере возрастания сложности среды диалога и коммуникации субъекта усиливается необходимость в повышении её связности как эволюционного способа сохранения сознательной способности.

Цель. Выявление характера отношения между языковыми и внеязыковыми объектами миров существования субъекта приводит к необходимости конструирования третьей сущности, определяющей их совместность и, как следствие, являющейся причиной возникновения нового качества реальности.

Задачи постнеклассической парадигмы науки предполагают переосмысление пространственно-временной модели мира, роли межсубъектных коммуникаций и внутреннего диалога как условий существования и эволюции сознательной формы живого, а также выявление принципов, лежащих в основе этих процессов.

Методология конструирования категориального аппарата позволяет описать такие условия и опирается на метод онтосемиотического моделирования и декомпозиции, в которых нашли своё отражение метод феноменологической редукции, восхождения от абстрактного к конкретному, а также логико-семиотическое построение предмета исследования. Данный метод позволяет избежать парадоксальности категориального описания внеязыковых сущностей.

Результаты. Искомая третья сущность может быть представлена в контексте трёх, предложенных автором категорий субъектности: синхронизм, интенция и реляционность.

Выводы. Категории описания мира: субъектность, темпоральность, континуальность, контингентность, процессуальность, эмерджентность, диалогичность, контекстуальность и отношения между ними в рамках постнеклассической рациональности – отражают необходимость принятия новых принципов, моделей и методологий коммуникации и деятельности, выявления информационно-семиотических законов и закономерностей управления познанием, а также уточнения и переопределения базовых понятий философии, таких как «субъект», «сознание», «познание».

Ключевые слова: реляционность; синхронизм; интенция; контингентность; сложность; темпоральность; континуальность; диалогичность; эмерджентность; субъектность; онтосемиотическое моделирование; декомпозиция.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сабанина Н. Р. Трансформации субъектности в постнеклассической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 258–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-258-270>.

Поступила в редакцию 17.12.2023

Принята к публикации 14.01.2024

Опубликована 29.02.2024

© Сабанина Н. Р., 2024

Transformations of Subjectivity in Post-Non-Classical Science

Nataly R. Sabanina¹ ✉

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

✉ e-mail: myzeinatali@mail.ru

Abstract

Relevance. As the Complexity of the subject's dialogue and communication environment increases, the need to increase its connectivity increases as an evolutionary way to preserve conscious ability.

Purpose. The identifying the nature of the relationship between linguistic and non-linguistic objects of the worlds of Human existence leads to the need to construct a third entity that determines their compatibility, and as a result, is the cause of the emergence of a new quality of reality.

The objectives of the post-non-classical paradigm of science involves rethinking the spatial-temporal model of the world, the role of intersubjective communications and internal dialogue of the subject as conditions for the existence and evolution of a conscious form of life, as well as identifying the principles underlying these processes.

The methodology of constructing a categorical apparatus that allows describing such conditions is based on the method of Ontosemiotic Modeling and Decomposition, which reflect the method of phenomenological reduction, ascent from the abstract to the concrete, as well as the logical-semiotic construction of the subject of research. This method avoids the paradoxical nature of categorical descriptions of non-linguistic entities.

Results. The desired third entity can be presented in the context of the three categories of subjectivity proposed by the author: synchronism, intention and relativity.

Conclusions. The category of describing the world: subjectivity, temporality, continuity, contingency, processuality, emergence, dialogicity, contextuality and relations between them, within the framework of post-non-classical rationality, reflect the need to adopt new principles, models and methodologies of communication and activity, identify information-semiotic laws and patterns of cognition management, as well as refinement and redefinition of the basic concepts of philosophy, such as "Subject", "Consciousness", "Cognition".

Keywords: relationality; synchronicity; intention; contingency; complexity; temporality; continuity; dialogicity; emergence; subjectivity; ontosemiotic modeling; decomposition.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sabanina N. R. Transformations of Subjectivity in Post-Non-Classical Science. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024; 14(1): 258–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-258-270>.

Received 17.12.2023

Accepted 14.01.2024

Published 29.02.2024

Введение

В конце XX – начале XXI вв. происходит качественное переосмысление роли субъекта и категории «субъектность» в научной систематизации. В концепции постнеклассической рациональности В. С. Стёпина предмет научного исследования предстаёт как субъект-объектная, динамическая, саморазвивающаяся система, включающая ценности и цели субъекта [1, с. 251]. В. С. Меськов детализирует жизненный путь когнитивного субъекта, который формирует информа-

ционные среды своего самоосуществления [2]. В концепции сложности В. И. Аршинова становится очевидным, что подобным образом понимаемая процессуальность постнеклассического объекта требует сочетания по крайней мере двух точек рассмотрения: возникают наблюдатель и наблюдатель второго порядка, а также на первый план выходит осмысление характера протекания внешнего и внутреннего времени саморазвивающихся систем [3, с. 50]. Л. П. Киященко рассматривает постнеклассиче-

ский трансдисциплинарный объект в трюиственности его акта сотворения субъектом, проявленности (формы) и сущности. Такого рода модель представляет из себя подобие знаковой среды, разворачивающейся в текст, который предполагает вариацию его видимых проявлений в виде научных и деятельностных репрезентаций [4, с. 10].

Связность среды подобного сложностного предмета исследования задана гносеологическими и онтологическими соответствиями её элементов. Объект исследования приобретает автопоэтические свойства, самопорождаясь в творении «своего» субъекта. Субъектная причинность (самопричинность) становится значимым для постнеклассической науки основанием построения отношений истинности.

Таким образом, изменения в понимании субъектности определены уровнем сложностного качества решаемых проблем и способом построения причинно-следственных отношений на разных уровнях организации реальности¹ и по разным основаниям: структурном (объектном), системном (представленном свойствами и отношениями объектов) и уровне сред (семиотическом).

Онтологически существование субъекта может быть сфокусировано на способе и потенциале трансформации некоторой сущности. Наступает момент, когда сущностное проявление требует изменения формы в процессе трансформации её предшествующих границ. Пространственное измерение сущности дополняется временным. Такое состояние приобретает качество сознания, обеспечивающее рекурсивную связность уровней. Субъект-объектная оппозиция снята.

Цель исследования – конструирование третьей, объединяющей сущности, определяющей совместность языковых и

внеязыковых объектов миров существования субъекта, и как следствие, определение характера причинности возникновения новых эмерджентных качественных свойств реальности.

Задачи, которые необходимо решить в рамках заявленной реконструкции, предполагают переосмысление пространственно-временной модели мира, роли межсубъектных коммуникаций и внутреннего диалога субъекта, выступающих условиями описания существования и эволюции сознательной формы живого, а также основанием для выявления принципов, лежащих в основе этих процессов.

В данной статье мы попытаемся обосновать возникновение «субъектности» как категории познания, которая, по нашему мнению, позволяет задать описание духовного качества сознательной способности².

В ряде работ (в области постнеклассических теорий познания, в частности) речь идёт о теории ориентации [5], связность знания определяется не только внешней, синтаксической структурой текста, которая обеспечивает логичность и строгость изложения, но и внутренней структурой, способом смыслопорождения и его проявлениями в деятельности. «Постнеклассическая связность» знания отражает свойство элементов картины мира быть организованными в соответствии с определенными принципами: субъектность, темпоральность, континуальность, контингентность, процессуальность, эмерджентность, диалогичность, контекстуальность, семиотичность, и далее будет показано, что к категориям познания субъект-включённого мира можно отнести категории синхронизма, интенции, реляционности, совместности задающие его качество субъектности.

¹ Реальность будем понимать, как то, условием существования чего является субъектная пространственно-временная протяжённость.

² Здесь «духовность» – состояние сознания, определяющее способ рассуждения и деятельности, основанное на системе всеобщих ценностей культуры; предполагает разум формы жизни, позволяющий формировать сложностные среды самоосуществления.

Материалы и методы

Методология конструирования аппарата постнеклассической науки опирается на метод онтосемиотического моделирования и декомпозиции, базисом для создания которых послужили методы феноменологической редукции, восхождения от абстрактного к конкретному, а также логико-семиотическое построение предмета исследования. Методы онтосемиотики включают операции экспликации онтологической и семантической структур текста, их интерпретации, экстраполяции полученного знания на области деятельности. В целом онтосемиотический подход:

1) учитывает многомерность и многоуровневость процесса познания, связанного с необходимостью выравнивания разнородных «данных» феноменологической и когнитивной природы;

2) позволяет репрезентировать символическую природу получаемого результата онтосемантического исследования;

3) высвечивает субъектность подхода, включая момент его порождения в процессе онтосемиозиса;

4) требует рассмотрения внутреннего диалога и характера межсубъектной коммуникации.

Цель онтосемиотического подхода – описание способа конструирования обновляемой картины мира трансцендирующим субъектом. Онтосемиотическое моделирование как метод предполагает построение отношений между объектами языка (знаковыми формами) и внеязыковыми объектами. Обратный процесс – онтосемантическая декомпозиция – связан с воссозданием языковых представлений, учитывая различия онтологических представлений, в т. ч. в контексте процессов онтологизации¹. Эта операция

позволяет интерпретировать высказывания и тексты с точки зрения различных подходов к описанию реальности.

Будем принимать во внимание, что текст в его традиционном формате не содержит достаточной информации для осуществления соответствующей онтологической реконструкции. В то же время моделирование текста на прототипе семиосферы культуры позволяет получить его более целостную субъект-включённую интерпретацию.

Метод онтосемантического моделирования позволил задать новый предмет исследования – «динамический субъект», позволяющий процессуально-семиотически объединить внешнюю и внутреннюю реальности существования и результаты его деятельности, которые представимы на модели в виде конструкта «постнеклассический текст»². На модели нами были выведены такие атрибуты субъектной динамики, как направленность, синхронизм и реляционность, которые мы далее зададим в виде категорий.

Отметим, что данный метод позволяет избежать парадоксальности категориального описания внеязыковых сущностей, которая в неклассической науке представлена в виде «проблемы языка и реальности»: языковые объекты одновременно и существуют (бытие), и не существуют (ничто) сами по себе. Этот парадокс преодолим в случае, если мы

проблемы понимания, во-вторых, важностью разработки методологии внедрения результатов научной теории в практику. Термин представлен в работах ряда авторов (А. О. Карпов, Т. С. Лапина, П. В. Малиновский, Г. П. Щедровицкий, С. А. Дацюг, В. А. Лекторский).

² Постнеклассический текст (авторская трактовка) – может быть описан в его доязыковом, языковом и постязыковом, деятельностном представлениях. Единица данного текста представлена циклом освоения ценности, рассматриваемом в процессе её открытия и познания субъектом, а также её трансляции в процессе коммуникации и деятельности.

¹ Онтологизация – процесс трансформации теоретической модели в предмет некоторой реальности. Необходимость онтологизации результатов научной теории объясняется, во-первых, необходимостью решения

помещаем обе составляющие в модель «динамический субъект», самопорождающийся в среде постнеклассического текста. Такая система является открытой и самоорганизующейся, неопределённой, потенциально бесконечной.

Результаты и их обсуждение

Категории субъектности: синхронизм, интенция, реляционность

Можно предположить, что совместно с классическими категориями познания (по И. Канту) можно задать категории субъектности, которые позволяют задать способ познания в постнеклассической парадигме.

Так, наряду с категориями: количества (I): единство, множество, всеобщность (цельность); качества (II): реальность, отрицание, ограничение; отношения (III): принадлежность, причинность, общение; модальностей (IV): возможность, существование, необходимость; опишем далее категории субъектности (V): интенция, реляционность, синхронизм.

Как утверждал И. Кант, первые две группы (I, II) категорий «...относятся к предметам наглядного представления (как чистого, так и эмпирического), а вторые (III, IV) – к существованию этих предметов (в отношении или друг к другу, или к рассудку)» [6, с. 122]. Они позволяют задать процесс познания реальности в рамках классической и в некоторых аспектах – неклассической рациональности. Такой способ познания в большей или меньшей степени стремится к «объективности», путём элиминации субъекта из любых процессов систематизации.

Сложность (*com* – полный, много; *plectere* – слой, оборот) как категория характеризует многомерность и разнорядковость элементов реальности, отношение между которыми выстраивается с учётом измерения субъектного мира. Таким образом, во-первых, по мере осмысления роли субъекта в научном описании мира складывается потребность в описа-

нии релевантного способа познания, а во-вторых, сложность можно так же рассмотреть, как интегрирующую категорию познания, указывающую на функциональную роль субъекта в многомерной среде его самоосуществления.

Утверждение о возможности выделения ещё одной категории – субъектность – выводится из того, что в современной парадигме обоснованно меняется понимание категорий времени и пространства, которые есть, по И. Канту, основаниями существования любых категориальных суждений: время – «субъективное условие, необходимое для созерцания человеком мира и самого себя... способ располагать в душе представления» [7]. Время – данность сознания, которое конституирует и разворачивает протяжённость жизненного пространства субъекта в прошлом, настоящем и будущем.

Морис Мерло-Понти, представитель экзистенциальной феноменологии, рассматривает время неклассически: время – «...это не какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую я бы только регистрировал. Оно рождается из моей связи с вещами» [8]. Для возникновения времени помимо бытия требуется небытие, носителем которого является человек: «...то, что называется временем, есть реакция субъекта на некую объективную данность. Как объективная данность время есть переход. Как субъективная данность время есть включённость человека в событие этого перехода, обладание им (М. Мерло-Понти)» [8]. Человек формирует специфический вид отношений – временные отношения в процессе познания.

Огромный шаг вперёд в понимании природы времени был сделан благодаря теории относительности А. Эйнштейна: в частности, был выявлен известный принцип «относительности одновременноности», в соответствии с которым время как характеристика события зависит от позиции наблюдателя. Исследования «временных эффектов» в физике, философии

и других областях познания продолжают вплоть до сегодняшнего дня [9].

В современных вычислительных экспериментах по исследованию динамики сплошных сред «...выявляется необходимость переосмысления таких традиционных представлений о времени, как разделение его на настоящее, будущее и прошлое (С. П. Курдюмов). Время – это вычислительный процесс, предполагающий *негеометрические* представления... Актуальным становится изучение направления времени в семантике многозначных возможных миров с учетом концепции внутреннего сознания-времени Брентано-Гуссерля» [10]. По Ф. Брентано и Э. Гуссерлю, переживание времени есть вычислимая величина, которая зависит от взаимного расположения интенциональных объектов (сеть интенциональностей) в сознании субъекта: «...единство фаз “ретенций-теперь-протенций” является наиболее общей структурой внутреннего времени и, как станет ясно из дальнейшего рассмотрения, интенциональных актов... Время — это не линия, а сеть интенциональностей» [11].

Наше понимание времени развивает традицию И. Канта – Э. Гуссерля и становится основой принципа темпоральности как характерного для современной постнеклассической сложностной парадигмы науки. Принцип темпоральности фиксирует присутствие субъекта как условия наблюдаемости объекта и предполагает фундаментальное переформатирование категориального аппарата современной науки с точки зрения понимания природы времени.

Характер течения внутреннего времени саморазвивающейся системы, обладающей атрибутом «сознание», обусловлен достигнутым качеством субъектного мира. Именно субъектность как уровень достигнутого качества самосознания системы определяет параметры её внутренних порядков, а также тех, которые она способна распространять вовне. Тогда

принцип темпоральности требует учёта возраста состояния динамических систем.

Нельзя обойти вниманием также кантовское деление предметов познания на мир феноменов и мир ноуменов, между которыми существует заведомое расстояние, «...заключённое не просто в логической форме отчетливого или неотчетливого знания, но коренится в том способе, каким вещи первоначально даются нашему знанию» [6, с. 257]. Не означает ли это, что связь категорий и явлений предполагает иной тип отношений, помимо логических, которые сам И. Кант называет «”интеллектуальная интуиция” ... которая, однако, лежит вне сферы нашей познавательной способности» [6, с. 257], а значит, может требовать иных, небиологических или технологических инструментов познания, трансформирующий порог различения.

Тогда введение «динамического субъекта» как конструкта, который определяет способ перехода между этими мирами в сознании человека, становится необходимым и обоснованным. Динамический субъект является атрибутом обоих миров (феноменов и ноуменов) в силу своей природы: будучи порождением каждого из них, он несёт в себе свойство, предполагающее достижимость реальности иного, третьего типа, переводя мир на последующий (назовём его «духовный») уровень сложностного качества.

Важной особенностью постнеклассической методологии является ускоряющееся во времени самовозрастание сложности сред (увеличение интенсивности разнородных событий). Это проявляется в постоянной трансформации пространственно-временного состояния субъекта. Можно предположить, что темпоральность духовного будет отличаться от темпоральности сознательного возможно скоростью или качеством преобразований посредством вышеописанных сред третьего рода или метасемиотических сред. Отношение между категориями описания внутреннего мира субъекта

будут отражать сложностный контекст подобного духовного самоосуществления.

Интенция

Вышеописанное понимание времени позволяет сформулировать категорию субъектности – *интенцию* – как специфическую характеристику, позволяющую конструировать пространство субъектной реальности. Своё открытие принципа интенциональности сознания (направленности на предмет) Э. Гуссерль связывает с языковыми выражениями и суждениями, которым сопутствует некоторое феноменологическое переживание внеязыковой природы.

Интенция как категория связана с такими характеристиками динамического субъекта, как *стремление, желание, склонность, мотивация, потребность и др.*, она также определяет ценностные и смысловые характеристики «я-высказывания». В целом интенция как категория групп «модальности» и «субъектности» одновременно определяет вес, ценность связи субъекта с предикатом высказывания в отношении внеязыковых объектов внутреннего мира и деятельности субъекта.

Следующим после темпоральности принципом, характеризующим сложностный контекст становления субъекта, является континуальность. Континуальность задаёт топологическую (место, местность, среда, общее место) характеристику знаково-семиотического пласта бытия.

Континуальность отражает семантическую непрерывность организации элементов данного уровня реальности [12]. При этом становление субъекта в подобного рода начальных условиях предполагает её аналитическое деление на конечный набор дискретных элементов конкретного самоосуществления – узлов сети интенциональностей. При этом сознание способно удерживать первоначальное общее понимание¹, чтобы упрощение

не приводило к редукции и утрате информации. Удерживая общую связность знания, субъект познания способен разделять свой континуум идей и ценностей на понятия до необходимого уровня прагматической и смысловой точности. При этом понятия естественного языка находятся в непрерывном становлении и являются «нечетко очерченными»: «...в ходе культурогенеза человек сформировал дискретную матрицу, в которую он вложил континуальный мир, а затем снова “размыл” границы ячеек этой матрицы разнообразием смыслов (по Н. Виннеру)» [12, с. 69].

Субъект в процессе познания как бы накладывает на континуальный мир заведомо неполный набор знаков, с помощью которого он «полусознаваемо» воссоздаёт картину мира, одновременно включая в него всего себя самого. Такой мир как бы мерцает в фокусе внимания наблюдателя теми своими сторонами, по отношению к которым он проявляет свои стремления.

Идея континуальности предполагает понимание познания как рефлексивного, рекурсивного, диалогического процесса, в котором происходит столкновение с областью неопределённости, горизонтом неразличимости, «слепоты» по отношению к той или иной мерности. Познание есть путь сближения и придания смысла такому положению и моменту небытия субъектом, как порождение новой местности своего существования.

Континуальность есть метахарактеристика конструируемой субъектом реальности, позволяющая объединять прежде независимые мерности мира его бытия посредством порождения смыслов. Со временем это становящееся пространство смыслов начинает оказывать всё более существенное влияние на характер восприятия внешнего мира относительно константного (медленно меняющегося), по сравнению с внутренним. И теперь уже деятельность человека определяет среду его бытия.

¹ Такого рода организация субъектной реальности соотносится с гипотезой голографического принципа Г. Хофта (в физике).

Возникновение и расширение осознанности происходящего связано с превращением чувственных представлений (от бессознательного) в знаковую, пригодную для именования смыслов и коммуникации информацию. При этом именно чувство наполняет, объединяет «нагромождение» предшествующих результатов восприятия (образов) и мышления (понятий) смыслом. Смысл придаёт целостность восприятия и осознания себя в окружающей реальности, т. е. задаёт субъектность. Таким образом, чувство как элемент формирующихся информационно-знаковых и сред (текстов) является их метасодержанием¹.

Темпоральность и континуальность совместно определяют контингентный характер происходящих событий. Контингентность – одновременность осознания субъектом проявления случайности и фундаментальной предзаданности случайности характером мироустройства.

Т. В. Литвин считает, что контингентность подчёркивает «иррациональность перспективы от первого лица... Начиная с аристотелевской риторики, термин “контингентность” не только подчеркивал отсутствие логической необходимости (в рамках классической рациональности. – Н. Р.), но и проблему произвольности акцента в организации смысла... Контингентность служит своего рода свойством методологии в изучении человека, критерием специфической объективности...» [13, с. 44], что с необходимостью указывает на необходимость учёта эпистатической, субъектной причинности в рамках постнеклассической рациональности.

Под проявлением контингентности «...следует понимать ситуативность, привязанность любого феномена к определенному месту и времени, а также непредзаданность существования челове-

ка в исторически изменчивом мире, его непредсказуемость и амбивалентность» [14, с. 366]. Так, ценностно означенную сущность сверхисторического начала Г. Риккерта невозможно рассматривать вне субъекта, его внутренней динамики: «...контингентность не только указывает на границу с абсолютным, в соприсутствии с миром и Богом, но и позволяет точнее делить “без остатка” интерсубъективность, в которой инаковость как фигура другого задает и пределы возможного, и систему социальных ожиданий» [13].

Последствия контингентности для коммуникации описаны в теореме «двойной контингентности» (Т. Парсонс). В рамках данной теоремы о взаимодействии «Эго» и «Другого» Т. Парсонс рассматривает категории «дополнительность ожидания» и «санкции» (реакции, осуществляемые другим с учётом действий Эго), напоминающие межсубъектную рефлексию.

Негативность принципа двойной контингентности заключена в возможных эффектах технологического мира, мультиплицирующих как полезный результат, так и ошибку. Это приводит к принципиальной неустранимости неопределённости в структуре социального взаимодействия, а также возрастает непредсказуемость результатов коммуникации, что является фактором энтропии. При этом позитивная сторона смысловой коммуникации, порождающей топоры субъектной реальности, задаёт саморазвитие, возрастание субъектности, сохранность которой определена потенциалом её внеязыковой составляющей.

Отметим также, что подход Т. Парсонса следует отнести к неклассическому структурному функционализму. Постнеклассический – средовой – подход с необходимостью изменит характер результата применения данной модели. Однако согласимся, что подобная двойная или рекурсивная дополнительность коммуникации есть необходимое условие становления субъекта.

¹ Это замечание существенно с точки зрения включения элемента «чувство» в формализованное семиотическое построение.

Н. Луман обоснованно считает, что «двойная контингентность» есть основание эмерджентного возникновения порядков коммуникации. Эмерджентность как аспект контингентности выражается в проявлении скрытого параметра. Эмерджентность – «основной принцип происхождения системой точек бифуркаций, ее становления, рождения и гибели иерархических уровней. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, т. е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке его структуры».

Межсубъектное пространство так же, как и субъектное, может нести в себе «инварианты порядков». В обществе, как показывает Луман, «присутствуют собственные значения, под которыми понимаются своеобразные социальные инварианты порядка и которые не могут быть сведены ни к консенсусу, ни к общим ценностям, ни к рациональности. Эти «собственные значения» и обеспечивают какую-то иную, независимую от консенсуса, интеграцию» [15, с. 23–24]. В нашем случае подобным искомым инвариантом можно назвать путь (цикл) освоения ценности, который был открыт в культуре, постоянно усложняется, наследуется, обладает экзистенциальной значимостью для человека и обществ.

Субъектное измерение не сводится ни к каким другим типам реальности, оно является объединяющим разрозненные мерности инобытия мира и другого. В этом причина нелинейной направленности становящегося сознания.

Реляционность

Сущностным проявлением субъектности является его коммуникативно-диалогическая природа, которая лежит в основании его свойства реляционности, отражающей нетождественность миров субъекта самим себе в каждый

момент пространственно-временной протяжённости.

Динамическая, сложностная природа субъекта определяет его диалогическую природу, в то время как межсубъектное пространство реальности задано принципом коммуникативности. В отличие от коммуникации, которая может быть ограничена оперированием информационными объектами (например, в технических системах), диалог представим как более глубокое, онтологизированное действие. Диалогичность несёт в себе смысловой и прагматический принцип самоосуществления субъекта, при этом она неотделима от его коммуникативности.

Реляционность как категория субъектности может быть описана так же, как принцип динамического различения процессов и состояний, сквозным элементом которых является ценность. Ценность – наиболее существенный, объединяющий элемент деятельности субъекта может быть задана триадой: семиотической целостностью, специфической субъектной направленностью и проявленностью на каждом из уровней самоосуществления субъекта.

Принцип реляционности позволяет выявить актуальную всеобщность и одновременно потенциальную ограниченность бытия субъекта. Причём актуальная всеобщность указывает на ограничения характера самоосуществления формы жизни, а потенциальная ограниченность – на необходимо существующие границы познания. Последние есть условия возможности развития.

Реляционность задаёт отношение между субъектом и предикатом высказывания, отражающими динамичность, трансформируемость, рефлексивность и т. д. жизненного мира субъекта. Именно реляционность как условие деятельности репрезентирует ценностное усилие субъекта, направленное (интенция) на познание всеобщности (синхронизм) путём преодоления ограниченности.

Синхронизм

Расширение и увеличение связности субъектной протяжённости меняет фокус внимания формы жизни: восприятие действительности теперь преломляется через осмысление глубинных причин происходящего, она становятся всё более независимой от привычных внешних причинностей и трансформирующей внешние среды своего существования. Возникает иллюзия свободы, сущность «горделиво окукливается», но вскоре становится понятно, что это лишь переход к новому качеству самоосуществления, и она продолжает существование в «толще океана» многоуровневой реальности. В. И. Аршинов, цитируя французского философа Жильбера Симондона, отмечает, что «...любое сущее, в частности живое существо, не может быть описано ни в терминах субстанции, ни в терминах материи и формы». Более адекватным будет понимание его в качестве «туго растянутой и перенасыщенной системы, существующей на более высоком уровне, чем само целое, кое является недостаточным в себе и не может быть адекватно концептуализировано согласно принципу исключенного третьего» [16, с. 22; 17, с. 84]. Эта среда образована деятельностью познающих динамических субъектов.

Ключевую роль в формировании таких совместных сред играет способность к постижению внутреннего мира другого через общность смыслов и восприятия, соотнося чувственные состояния (посредством эмпатии, нейрофизиологических механизмов и др.) с их проявлениями и соответствующими языковыми объектами. Немаловажную роль в подобном диалоге играет также ещё малоизученное явление «синхронистичности» [18; 19; 20; 21], впервые описанной в работах К. Г. Юнга, а также психического синхронизма. Среда текста, необходимая для подобной синхронизации, включает становящуюся сеть коммуницирующих субъектов. Невербальный, доязыковой

текст всегда несёт в себе символику архетипического, смыслы которого транзитивно расширяются на языковое и постязыковое пространство текста. Актуализированные смыслы задают направленность поведения и деятельности акторов текста. Восприятие доязыкового элемента текста (внеязыковой объект внутреннего мира) осмысливается и превращается в знак: привычная поза, знакомый голос, поднятая бровь приобретают смысл, значение и ценность для интерпретатора. Элемент доязыкового текста встраивается в формируемую им структуру языка, обеспечивающего пространство совместной осмысленной и значимой целенаправленной деятельности.

Будем рассматривать синхронизм как результат порождаемых субъектом причинностей, метамира сознательной формы жизни, элементы которого проявляются в ценностно-значных контекстах. Это позволит прийти к пониманию возможности «спонтанной» синхронизации. Такое представление о внутренней реальности субъекта позволяет сформулировать категорию – синхронизм (синхронистичность – по К. Г. Юнгу) или возможную смысловую внутри- и межсубъектную когерентность. В языке данное качество субъектного мира может быть обозначено такими понятиями, как *понимание, близость, эмпатия, сочувствие, любовь и др.*

Категория синхронизма указывает на характер отношения субъекта и предиката языковых высказываний в связи с возможностью оперирования внеязыковыми объектами (чувство) внутреннего мира субъекта.

Синхронизм, помимо субъектности, также относится и к ряду категорий отношения (по И. Канту). Синхронизм определяет особое отношение (связность) между действующим началом (причинностью) и тем, на что осуществляется воздействие (принадлежностью). Это особое «общение» связано с возможностью достижения специфического ре-

зультата совместности – резонанса при определённом характере субъект-обусловленного соответствия. Такого рода возможность К. Г. Юнг назвал «коллективным бессознательным».

В таблице 1 представлена система категорий субъектности, в основе которой положена система кантовских категорий познания. Каждая из категорий группы «V. Субъектность» взаимосвязана между собой, причём третья категория «интенция»

возникает из соотношения первой и второй. Это соотношение основано на особом акте рассудка, объединяющего внутреннюю и внешнюю динамику субъекта. Также следует отметить, что каждая из них есть результат познания первых четырёх групп категорий (представлено в вертикальном столбце табл. 1 – «V. Субъектность»). И наконец, использование всех типов категорий познания позволяет задать сложный тип мышления.

Таблица 1. Категории познания в постнеклассической парадигме науки

I. Качество	Единство	Множественность	Всеобщность	Контингентность
II. Количество	Реальность	Отрицание	Ограничение	
III. Отношение	Принадлежность	Причинность	Общение (связь)	Континуальность
IV. Модальность	Возможность	Существование	Необходимость	Темпоральность
V. Субъектность	Интенция	Реляционность	Синхронизм	Сложность

Необходимо отметить, что категории в строке таблицы *V. Субъектность*, в отличие от предыдущих четырёх групп, заданных в рамках логического подхода, сформированы на основании прототипического подхода к категоризации в рамках постнеклассической парадигмы. Он характеризуется наличием семантического ядра и периферии, множественностью оснований систематизации, а также включает результаты методов феноменологии. Категории пятого столбца описывают условия разворачивания контекста для формирования категорий своих групп и определяют их совместность с группой пятой категории – субъектность.

Выводы

Контекст, в котором реализуется современная постнеклассическая парадигма науки, связан с ускорением изменений и необходимостью различения смыслов, переосмысления ценностных оснований деятельности, что предполагает развитие релевантных логико-лингвистического аппарата и феноменологии.

Категории *синхронизм*, *интенция* и *реляционность* совместно задают субъект-

ектное измерение как неустраняемый элемент процесса познания. По мере возрастания сложности сред диалога и коммуникации усиливается необходимость повышения их связности как эволюционный способ сохранения сознательной способности, поэтому процесс познания направлен на достижение до актуальной всеобщности «Я». Учитывая природу и значимую роль ценности в описании субъектной реальности, познание ценностей можно трактовать как базовую потребность сознательной формы жизни.

Категории описания мира: темпоральность, континуальность, контингентность, субъектность, процессуальность, эмерджентность, диалогичность, контекстуальность и отношения между ними в рамках постнеклассической рациональности – отражают необходимость принятия новых принципов, моделей и методологий коммуникации и деятельности, информационно-семиотических законов и закономерностей управления познанием, включающих подобное понимание, а также утончения и переопределения базовых понятий философии, таких как «субъект», «сознание», «познание».

Список литературы

1. Стёпин В. С. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.
2. Меськов В. С. От логики рассуждений к методологии когнитивной деятельности // РА-ЦИО.ru. 2009. № 2. С. 23–65.
3. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49–58.
4. Киященко Л. П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). М.: ИФ РАН, 2017. 113 с.
5. Жуков Л. Б., Аршинов В. И. Очерк теории ориентации: Нечто versus ничто: конструктивная схема в контексте философии сложности. М.: Ленанд, 2021. 120 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
7. Мёдова А. А. Понятие времени и его значение для модели сущности человека. Сравнительный анализ концепций И. Канта и Мориса Мерло-Понти. URL: <https://iphras.ru/page47501648.htm> (дата обращения: 06.11.2022).
8. Мерло-Понти М. Временность // Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. С. 519–547.
9. Hakila J., Nemiroff R. Time-reversed Gamma – Ray Burst Light – curve Characteristics as Transitions between Subluminal and Superluminal Motion // Astrophysical Journal. 2019. Vol. 883, no. 1. P. 1–13.
10. Аршинов В. И. Синергетика времени как междисциплинарная проблема. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_267691 (дата обращения: 06.11.2023).
11. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии: монография. М.: Высшая школа, 1998. 144 с.
12. Ашмарин И. Дискретность и континуальность: что первично // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования / отв. ред. М. С. Киселева. М.: ИФ РАН, 2011. Вып. 5. С. 66–75.
13. Литвин Т. Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально непереводаемы? // Артикульт. 2012. № 7(3). С. 37–45.
14. Ивахненко Е. Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности // Образовательная политика. 2020. № 3 (83). С. 2–11.
15. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.
16. Simondon G. L'individu et sa genese physico-biologique. Grenoble, 1995. P. 22.
17. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Инновационная сложность // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
18. Юнг К. Синхронистичность. М.: РЕФЛ-бук; Киев: Ваклер, 1997. 313 с.
19. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
20. Назарчук А. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 156–173.
21. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 800 с.

References

1. Stepin V. S. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura [Postnonclassics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg, Mir Publ., 2009, pp. 249–295.
2. Meskov V. S. Ot logiki rassuzhdenii k metodologii kognitivnoi deyatel'nosti [From the logic of reasoning to the methodology of cognitive activity]. *RA-TsIO.ru = RATION.ru*, 2009, no. 2, pp. 23–65.
3. Arshinov V. I., Budanov V. G. Kontseptsiya seti v optike paradigmy sinergeticheskoi slozhnostnosti [The concept of a network in optics of a paradigm of synergetic complexity]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2018, no. 3, pp. 49–58.
4. Kiyashchenko L. P. Sobytiye. Lichnost'. Vremya (K filosofii transdistsiplinarnosti) [Event. Personality. Time (Towards the philosophy of transdisciplinarity)]. Moscow, IF RAS, 2017. 113 p.
5. Zhukov L. B., Arshinov V. I. Ocherk teorii orientatsii: Nechto versus nichto: konstruktivnaya skhema v kontekste filosofii slozhnosti [An essay on the theory of orientation: Something versus nothing: a constructive scheme in the context of the philosophy of complexity]. Moscow, Lenand Publ., 2021. 120 p.

6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Moscow, Science Publ., 1999. 655 p.
7. Medova A. A. *Ponyatie vremeni i ego znachenie dlya modeli sushchnosti cheloveka. Sravnitel'nyi analiz kontseptsii I. Kanta i Morisa Merlo-Ponti* [The concept of time and its significance for the model of human essence. Comparative analysis of the concepts of I. Kant and Maurice Merleau-Ponty]. Available at: <https://iphras.ru/page47501648.htm>. (accessed 06.11.2022)
8. Merlot-Ponty M. *Vremennost'* [Temporality]. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg, Juventa, Nauka Publ., 1999, pp. 519–547.
9. Hakkila J., Nemiroff R. Time-reversed Gamma – Ray Burst Light – curve Characteristics as Transitions between Subluminal and Superluminal Motion. *Astrophysical Journal*, 2019, vol. 883, no. 1, pp. 1–13.
10. Arshinov V. I. *Sinergetika vremeni kak mezhdistsiplinarnaya problema* [Synergetics of time as an interdisciplinary problem]. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_267691. (accessed 06.04.2023)
11. Molchanov V. I. *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoi filosofii* [Time and consciousness. Criticism of phenomenological philosophy]. Moscow, Higher School Publ., 1998. 144 p.
12. Ashmarin I. *Diskretnost' i kontinual'nost': chto pervichno* [Discreteness and continuity: what is primary]. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Man yesterday and today: interdisciplinary research]; ed. by M. S. Kiselyov. Moscow, IF RAS Publ., 2011, is. 5, pp. 66–75.
13. Litvin T. *Interiornost', chuvstvennost', kontingentnost' – pochemu eti ponyatiya printsipial'no neperevodimy?* [Interiority, sensuality, contingent – why are these concepts fundamentally untranslatable?]. *Artikul't = Article*, 2012, no. 7(3), pp. 37–45.
14. Ivakhnenko E. N. *Khrupkii mir cherez optiki prostoty i slozhnosti* [The fragile world through the optics of simplicity and complexity]. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*, 2020, no. 3 (83), pp. 2–11.
15. Antonovsky A. Yu. *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsial'nykh sistem* [Niklas Luhmann: an epistemological introduction to the theory of social systems]. Moscow, IF RAN Publ., 2007. 135 p.
16. Simondon G. *L'individu et sa genese physico-biologique*. Grenoble, 1995. P. 22.
17. Arshinov V. I., Svirsky Ya. I. *Innovatsionnaya slozhnost'* [Innovative complexity]. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 78–91.
18. Jung K. *Sinkhronistichnost'* [Synchrony]. Moscow, Refl-Buk Publ., Kiev, Vakler Publ., 1997. 313 p.
19. Budanov V. G. *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii* [Methodology of synergetics in postnonclassical science and education]. 3rd ed. Moscow, LKI Publishing House, 2008. 240 p.
20. Nazarchuk A. *Obschestvo kak kommunikatsiya v trudakh Niklasa Lumana* [Society as communication in the works of Niklas Luhmann]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2006, no. 6, pp. 156–173.
21. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action]. Moscow, Academic Project Publ., 2000. 800 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Сабанина Наталия Рафаэлевна, соискатель,
Институт философии Российской академии
наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: myzeinatali@mail.ru,
Researcher ID: AAN-9554-2020,
ORCID: 0000-0002-3024-0668,
Scopus ID: 57197723091,
Author ID: 713689

Sabanina Natalia R., Applicant, Institute of Phi-
losophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: myzeinatali@mail.ru,
Researcher ID: AAN-9554-2020,
ORCID: 0000-0002-3024-0668,
Scopus ID: 57197723091,
Author ID: 713689